

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НЕ ПОБЕДИЛ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
САМА РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ ВИДЕЛА В РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ
ЧУТЬ ЛИ НЕ ГЛАВНУЮ УГРОЗУ УСТОЯМ. С ТЕХ ПОР
СИТУАЦИЯ В НАШЕМ ОТЕЧЕСТВЕ МАЛО ИЗМЕНИЛАСЬ.

Русская Нация

Национализм
и его враги

СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВ

Сергей Сергеев

**Русская нация.
Национализм и его враги**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94
ББК 63.3(2)

Сергеев С. М.

Русская нация. Национализм и его враги / С. М. Сергеев —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07513-0

Почему в Российской империи не победил русский национализм? Был ли он слишком слаб или, напротив, слишком сильны были его противники? А противников у него имелось немало. Это и влиятельные нерусские этнокорпорации, и многие известные представители русской политической и интеллектуальной элиты, и, что главное всего, сама российская власть, по крайней мере до Александра III видевшая в русском национализме чуть ли не главную угрозу устоям империи. Собственно, с тех пор ситуация в нашем Отечестве мало изменилась, поэтому, думаю, большинство текстов этой книги вызовут самые злободневные ассоциации. Такова специфика России – недавнее и давнее прошлое в ней не просто продолжает жить, но и является одним из определяющих факторов ее бытия.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-07513-0

© Сергеев С. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	6
Русские: краткая история несостоявшейся нации[1]	7
Нация и национализм: что за терминами?	7
Цена империи	10
Русская «малая нация»: рождение, расцвет, крушение	15
От XX к XXI в.: старые и новые проблемы	19
Восстановление свободы[2]	20
Демократический национализм декабристов	20
Государственный патриотизм	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Сергеев

Русская нация. Национализм и его враги

© Сергеев С.М., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Светлой памяти Анны Алексеевны Коваленко

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НЕ ПОБЕДИЛ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ПОТОМУ ЧТО СЛИШКОМ СИЛЬНЫ БЫЛИ ЕГО ПРОТИВНИКИ: ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ НЕРУССКИЕ ЭТНОКОРПОРАЦИИ, ИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И, ЧТО ГЛАВНЕЕ ВСЕГО, САМА РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ, ВИДЕВШАЯ В РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ ЧУТЬ ЛИ НЕ ГЛАВНУЮ УГРОЗУ УСТОЯМ ИМПЕРИИ.

От автора

Эта книга продолжает, развивает и конкретизирует отдельные темы моей предыдущей работы «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия» (М., Центрполиграф, 2017), вызвавшей, к радости автора, весьма значительный читательский резонанс. Здесь собран ряд текстов, опубликованных ранее в различных изданиях (прежде всего в журнале «Вопросы национализма»), на основе которых были сделаны многие важные выводы «Русской нации». В первую очередь это статьи о национализме декабристов, русско-немецком и русско-польском этноконфликтах в Российской империи, полемике Владимира Соловьева и Константина Леонтьева против русского национализма. Все эти сюжеты присутствовали в «РН», но здесь они представлены с гораздо большей полнотой и соответствующим справочным аппаратом, за отсутствие (вынужденное, по соображениям объема) коего в «РН» автору пеняли многие просвещенные читатели.

Но это не значит, что новая книга адресуется только тем, кто уже прочитал «РН», она имеет вполне самостоятельное значение. Ее тема: *почему в Российской империи не победил русский национализм? Был ли он слишком слаб или, напротив, слишком сильны были его противники?* А противников у него имелось немало. Это и влиятельные нерусские этнокорпорации, и многие известные представители русской политической и интеллектуальной элиты, и, что главнее всего, сама российская власть, по крайней мере, до Александра III видевшая в русском национализме чуть ли не главную угрозу устоям империи. Собственно, с тех пор ситуация в нашем Отечестве мало изменилась, поэтому, думаю, большинство текстов этой книги вызовут самые злободневные ассоциации. Такова специфика России – недавнее и давнее прошлое в ней не просто продолжает жить, но и является одним из определяющих факторов ее бытия.

Завершить это краткое предисловие мне бы хотелось искренней благодарностью шеф-редактору издательства «Центрполиграф» Дариме Олеговне Хвостовой, при высокопрофессиональном и благожелательном участии которой в этом издательстве выходит уже вторая моя книга.

Сергей Сергеев

26 июня 2017 г.

Русские: краткая история несостоявшейся нации¹

Нация и национализм: что за терминами?

Что такое нация и национализм? С последним (по крайней мере, в общих чертах) все более-менее ясно. Это идеология (и вытекающая из нее практика), главной ценностью которой является нация как единое целое. Но зато с самой нацией дело обстоит самым запутанным образом. На сегодняшний день в науке существует бесконечное множество полярно противоположных концепций ее понимания, из которых для нас особый интерес представляет следующая дихотомия: примордиализм и конструктивизм.

Примордиализм (от английского *primordial* – изначальный, исконный) настаивает на органичности происхождения наций, видя в современных нациях продолжение многовекового развития древних или средневековых этносов. Примордиалисты не едины: одни трактуют нацию как биологическую популяцию, другие – как территориально-экономический союз, третьи – как духовно-культурную общность, но все они согласны с тем, что в ее основе лежит некая объективная реальность – кровь, хозяйственные связи, язык, «народный дух», «Божий замысел», – которая в тех или иных формах реализуется на разных ступенях исторического процесса.

Конструктивизм, характерное дитя постмодернистского сознания, появившееся на свет в середине 1960-х гг., тоже весьма разнообразен, но все его представители сходятся в том, что нации – не природные (или духовные) данности, а социальные конструкты, возникшие на рубеже XVIII–XIX вв. и не являющиеся непосредственными наследниками древних или средневековых этносов. Наиболее последовательный конструктивист – английский исследователь Эрнест Геллнер договорился до того, что не нации порождают национализм, а, наоборот, последний сам «изобретает нации». С его точки зрения, нация не имеет подлинной реальности, она лишь фикция, идеологический фантом, создаваемый властными, экономическими и интеллектуальными элитами. Это, конечно, очевидная нелепость, и потому подавляющее число конструктивистов старательно отмежевывается от геллнеровского радикализма. В умеренном и сбалансированном виде конструктивизм изложен в знаменитой книге американца Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». Андерсон не утверждает, что нации – фиктивные образования, они «воображаемы», как и любые другие большие группы людей, где каждый индивид физически не может воочию увидеть всех ее остальных членов и потому неизбежно вынужден их «воображать». Нации конечно же «реальны», но их «реальность» не носит онтологического характера, она изобретается в процессе человеческой деятельности с определенными практическими целями. Нации – способ упорядочивания социума, порожденный Новым временем (прежде всего массовым распространением книгопечатания), а их связь с досовременными этносами изобретена интеллектуалами для упрочения общественного единства и стабильности. Ныне в мировом научном сообществе конструктивизм явно занимает ведущие позиции.

В главном (в признании объективности существования этносов и преемственности наций по отношению к ним) я, безусловно, солидарен с примордиалистами. Тем не менее закрывать глаза на весьма серьезную критику ряда положений примордиалистов со стороны конструктивистов – невозможно. Прежний, «наивный» примордиализм сегодня придется полностью отдать в вотчинное владение мобилизационной публицистике, в научном дискурсе он

¹ Переработанный вариант статьи «Нация в русской истории» (Москва. 2009. № 6).

неуместен. Нельзя уже писать о нации так, как это делали, например, Н.А. Бердяев («нация есть мистический организм, мистическая личность») или С.Н. Булгаков (нация – «творческое живое начало», «духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним»). Нельзя делать вид, что не было гигантских рукотворных усилий по формированию современных наций со стороны интеллектуалов и правительств.

Напомню хотя бы несколько фактов, чтобы не быть голословным. Якобы «народный кельтский эпос» «Песни Оссиана» был, как известно, придуман в 1760 г. шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном, а ключевые для становления чешского национализма Краледворскую и Зеленогорскую рукописи (в составе последней – «культовая» поэма «Суд Любуши») талантливо сфабриковали филолог Вацлав Ганка, поэт Йозеф Линда и художник Франтишек Горчичка в 1817–1818 гг. Основополагающий сербский миф о Косовской битве (1389) творился несколькими поколениями сербских литераторов во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Подлинные же исторические источники дают совсем иную картину: в них ничего не говорится о подвиге Милоша Обилича; князь Лазарь не был верховным правителем Сербии, которая тогда находилась в состоянии раздробленности; Вук Бранкович, чье имя сделалось нарицательным обозначением предателя, вовсе не предавал Лазаря и т. д.

К моменту возникновения единого Итальянского королевства (1861) письменным и устным государственным итальянским языком, основанным на тосканском диалекте, пользовались от 2,5 до 9 % населения страны (были ли итальянцы единым «духовным организмом», если зачастую не могли понять друг друга?). Отсюда знаменитая реплика одного из вождей Рисорджименто Массимо д'Адзельо: «Италия создана, но не созданы итальянцы». В полной мере эта проблема не решена и сейчас – слишком многое отличает Ломбардию от Сицилии. Еще в конце XVIII в. ни о какой единой немецкой нации говорить не приходится, и южногерманский публицист И.К. Рисбек с горечью писал, что у немцев «нет ничего от национальной гордости и любви к отечеству... Их гордость и чувство отечества пробуждаются только в той части Германии, где они родились. К другим своим соотечественникам они чужды так же, как и к любому иностранцу». Г.К. Лихтенберг шутил, что немцы не изобрели даже общенационального ругательства. Романтикам, Бисмарку и пресловутому «прусскому учителю истории» пришлось немало потрудиться для преодоления этого кричащего партикуляризма.

Наконец, даже в таком образцовом национальном государстве, как Франция, еще в 1863 г. по официальным документам министерства просвещения видно, что четверть населения страны не знала французского государственного языка, для половины школьников французский не был родным языком. В северо-восточных и южных провинциях парижским путешественникам иногда невозможно было узнать дорогу – их не понимали. Французское правительство, используя административную систему, школу, армию, церковь, материальные преференции, прямые языковые запреты (закон, разрешивший факультативное преподавание в школе местных языков, был принят только в 1951 г.), упорно добивалось ассимиляции своих граждан в единую нацию.

Таким образом, вроде бы абсурдная идея Геллнера о том, что национализм предшествует нациям, имеет вполне рациональное зерно, во всяком случае, национализм точно предшествует оформлению нации в пределах всего населения той или иной страны, так сказать, «большую нацию» конструирует «малая нация» в лице политической и культурной элиты.

Мне представляется совершенно верным тезис о принципиальной новизне наций Нового времени по отношению к досовременным этносам. Нация в сравнении со средневековым обществом поражает своей социальной, политической и культурной гомогенностью. *В нации преодолеваются сословные и прочие групповые разделения, образуется единое для всех ее членов социальное, политическое, правовое, экономическое и культурное поле.* Нация едина социально (ни одна социальная группа формально не является привилегированной), политически (она живет в одном суверенном государстве, не предполагающем внутри себя никаких других поли-

тических образований), юридически (в этом государстве действует единое и обязательное для всех законодательство), экономически (внутренний национальный рынок, национальное разделение труда, государственная банковская система) и культурно (все сверху донизу должны знать, кто такие Данте, Шекспир или Гете, и относиться к ним с благоговением). Всего этого в средневековом обществе не было, да и в обществе модерна сформировалось не сразу. *Национальная идентичность в Новое время становится основополагающей, конституирующей, в отличие от традиционного общества, где этническая принадлежность являлась лишь одной из многих идентичностей (наряду с религиозной, сословной, региональной) и далеко не главной.*

В конце Средневековья нация была обозначением элиты (например, Священная Римская империя германской нации под «нацией» подразумевала политическое сообщество немецких князей). За пределами Англии такое словоупотребление практиковалось вплоть до Французской революции (например, у Монтескье). Но в Англии уже в XVI в. это понятие стало применяться по отношению ко всему населению, то есть весь народ *как бы* признавался элитой. Собственно, «идея нации – символическое возвышение народа до положения элиты» (Л. Гринфельд). Действительно, очень долгое время *только символическое*. Ибо в той же самой Англии еще в сороковых годах XIX в. менее 15 % взрослого мужского населения могло пользоваться избирательным правом, а Б. Дизраэли с тревогой говорил о «двух нациях» внутри страны – бедных и богатых. Таким образом, можно сказать, что нациогенез есть история превращения «малой нации» – нации господ в «большую нацию» – нацию всего народа. Посмотрим, как эта схема работает на русском материале.

Цена империи

Единый русский (великорусский) этнос формируется, видимо, в конце XV – первой трети XVI в., в период образования Московского государства при Иване III и Василии III. Несмотря на очевидное своеобразие исторического развития Московской Руси, параллели с началом нациогенеза в Западной Европе напрашиваются сами собой. Говорить о нации и национализме применительно к данной эпохе, разумеется, было бы анахронизмом, но *протонациональные тенденции очевидны*.

Возникает целый пласт религиозно-мессианской словесности (из которого наибольшую известность получило Послание инок Филофея о Москве как о Третьем Риме), совершенно аналогичной по смыслу разного рода трактатам, появлявшимся почти одновременно во Франции (в одном из них говорится: «Франция – наследница Рима, и другой империи никогда более не бывать»), в Англии (в «Книге мучеников» Джона Фоукса утверждается, что англичане – избранный народ, предназначенный восстановить религиозную истину и единство христианского мира), в Испании (Б. де Пеньялос: «От самого Сотворения мира испанец поклонялся истинному Богу и среди рода человеческого был первым, кто воспринял веру Иисуса Христа...»). При Иване Грозном, в период так называемых реформ Избранной рады, к управлению государством были привлечены не только аристократия и духовенство, но и купечество, верхушка посада и черносошные крестьяне. Английский историк Российской империи Доминик Ливен считает, что «если Россия и не была национальным государством в 1550 г., она была ближе к этому, чем другие народы Европы того времени, не говоря уже обо всем остальном мире», ибо в ней наличествовало «единство династии, церкви и народа». По мнению Г.П. Федотова, «несомненно, что в Московской Руси народ национальным сознанием обладал. Об этом свидетельствуют хотя бы его исторические песни. Он ясно ощущает и тело русской земли, и ее врагов. Ее исторические судьбы, слившиеся для него с религиозным призванием, были ясны и понятны».

Но практически сразу с протонациональной тенденцией выявилась и тенденция абсолютно ей противоположная – *династически-имперская*, основу которой заложил тот же Иван Грозный созданием опричнины. Тенденция эта опиралась на средневековое понимание государства как княжеской / царской вотчины, в отличие от нововременного понимания государства как общенародного дела.

На мой взгляд, победа династически-имперского сценария не являлась запрограммированной, возможны были и иные варианты. Об этом свидетельствует Смутное время. Когда все властные структуры лежали во прахе, а представители элиты соревновались в предательстве, страну от полной гибели спас торгово-промышленный класс поволжских городов во главе с харизматическим лидером Кузьмой Мининым. «Совет земли», созданный организаторами Второго ополчения в Ярославле, вполне успешно управлял не оккупированными поляками и не контролируемые «тушинцами» территориями; позднее при его деятельном участии был созван и проведен Земский собор, избравший на трон новую династию (это к вопросу о неспособности русского человека сделать что-нибудь, кроме безобразия, в отсутствие самодержавной палки). Но как раз эта новая династия и похоронила надолго нациостроительство в России.

Алексей Михайлович, прельстившись химерой Вселенской православной империи, возродил к жизни династически-имперский проект, пожертвовав ради него протонациональным единством русского этноса. Церковный раскол скрывал под собой борьбу протоимперии против протонации. В результате в стране произошел переход «от национального теократического государства к патерналистской светской империи» (А.Г. Глинчикова): общество сохранило прежний патерналистский тип подчинения, а власть добилась полного освобождения от какой бы то ни было моральной ответственности за свои действия перед обществом.

Петр I, продолжая дело своего отца, осуществил радикальный социокультурный разрыв русского этноса на немногочисленную вестернизированную элиту и на весь остальной последовательно архаизируемый народ. Новая импортируемая западная культура предназначалась исключительно для императора и дворянства (до середины XIX в. выходцев из низов, приобщенных к ней, буквально единицы), а старая традиционная образованность старательно уничтожалась. Напомню, что по авторитетным подсчетам академика А.И. Соболевского в допетровской Руси уровень грамотности был очень высок, даже среди крестьян – 15 %. В конце XVIII в. средний уровень грамотности крестьян не превышал 1 %. Как раз в это время Австрийская империя начала планировать введение всеобщего начального образования, а в Пруссии оно уже было введено. Как верно пишет упомянутый выше Д. Дивен, «низкий уровень грамотности углублял культурную пропасть между элитой и массами: он являлся дополнительной причиной, по которой в 1914 году русское общество было сильнее разделено и меньше походило на нацию, чем в 1550-м».

Здесь именно не недосмотр, а сознательная политика формирования огромного человеческого массива, предназначенного для того, чтобы безропотно обслуживать романовский династически-имперский проект и его непосредственного исполнителя – дворянство, быть его пушечным мясом. Ни о какой «большой» общенародной нации при такой постановке вопроса, конечно, не могло быть и речи, и вся крестьянская политика самодержавия решительно ясна и понятна: не допустить крестьянство (а впрочем, и купечество, и духовенство тоже) на арену общественной жизни как самостоятельного субъекта. В результате, по словам Г.П. Федотова, в отличие от Московской Руси, «в петровской Империи народ уже не понимает ничего». Кстати, похожая ситуация была и в Польше, только там, при отсутствии сильной монархической власти, господствовала коллективная аристократия.

Сам династически-имперский центр не считал себя исключительно русским, а, напротив, настаивал на своей наднациональности. Политику, неподконтрольную никаким общественным силам, конечно, удобнее осуществлять, не связывая себя с каким-либо конкретным народом, а изображая из себя «равноудаленный» от всех народов империи наднациональный центр, опирающийся на лояльность этнически разношерстной элиты, которая (лояльность) направлена не на государство как таковое, а на личность монарха. Но такая элита не может образовать нацию и в этом даже не заинтересована. Весьма характерно, что министр финансов Николая I граф Е.Ф. Канкрин предлагал переименовать Россию в Романовию или в Петровию. Что ж, в этом была своя логика... В принципе подобная политика свойственна для большинства континентальных империй, но если искать наиболее близкие ее аналогии, то это будет даже не монархия Габсбургов, а скорее Оттоманская Порта.

В 1762 г. 41 % из числа 402 высших офицеров и половина из четырех офицеров самого высокого ранга были нерусскими (три четверти из них – немцы). В поздней Российской империи 38 % из 550 генералов носили нерусские фамилии, причем почти половина из них происходила из Прибалтики, Польши и с Кавказа. В 1863 г. поляки составляли 48 % служилых сословий европейской части России. Немцы (не более 1 % населения России) занимали треть высших чиновничьих и военных постов. Ситуация стала меняться только при Александре III, который пытался перейти к русской национальной политике, но его царствование было слишком коротким, а меры, им предпринятые, – слишком паллиативными.

Пресловутая «русификация», как показывают, например, работы А.И. Миллера, не являлась значимой целью для Романовых (за исключением Александра III). Русское влияние на окраины (не только их ассимиляция, но и даже простое приведение социально-политических и правовых институтов к единому стандарту) было незначительным. Скажем, княжество Финляндия представляло собой, по сути, независимое государство, имевшее свой парламент (язык заседаний которого был шведский) и не платившее налоги в имперскую казну. Немало преференций было и у Польши до восстания 1830 г. (например, конституция, сейм, собственные

вооруженные силы, валюта, система образования), но даже позднее о ее русификации не было и речи. В Прибалтике доминирующей этнической группой являлись немцы, они даже количественно превосходили русских (6,9 % против 4,8 %; в Риге в 1867 г. 42 % против 25 %), не говоря уже о качественном преобладании: до 80-х годов XIX столетия (а в сельской местности до 1917 г.) власть в крае фактически принадлежала корпорации остзейского дворянства, делопроизводство и преподавание в учебных заведениях велось на немецком языке, на нем же (до 1885 г.) рижские бургомистры вели переписку с царским правительством. Об обрусении Туркестана вопрос был поставлен только в 1912 г., но до 1917 г. делопроизводство там так и не удалось перевести на русский язык. О «русификации» Кавказа и Закавказья, кажется, всерьез никто и не помышлял.

О слабости «русификаторского» правительственного проекта свидетельствует и то, что он, по сути, находился в состоянии обороны по отношению к целому ряду других ассимиляторских национальных проектов на территории самой же империи. В Западном крае это была полонизация литовцев и восточных славян через местную польскую систему начального образования. Украинский национализм к концу XIX в. обрел организационный и идеологический центр в австрийской Галиции с мощной издательской базой, научными и просветительскими учреждениями, а позднее и политическими партиями, которые возникли на десятилетие раньше, чем в Российской империи. Система образования в прибалтийских губерниях вплоть до 70-х гг. XIX в. была инструментом онемечивания латышей и эстонцев. Даже в Поволжье и Оренбургском крае в деле ассимиляции местных малых народов с русскими весьма успешно соперничали татары.

Таким образом, самодержавие проводило традиционную (и уже архаичную для XIX в.) политику имперской «равноудаленности», в то время как культурно-политические элиты ряда народов империи вполне успешно занимались нациостроительством. Романовы, не понимавшие сути национального вопроса в Новое время, не только блокировали русское нациостроительство, но и объективно подрывали основы своей собственной империи, взращивая окраинные национализмы (в лучшем случае слабо и неэффективно им сопротивляясь).

Самое же главное в том, что русские не только не были привилегированной этнической группой в Российской империи, но, напротив, одной из самых ущемленных. Разумеется, речь идет не о дворянстве, верхушке духовенства или буржуазии (вкуче они составляли не более 2 % русского этноса), а прежде всего о крестьянстве (даже к 1917 г. – более 70 % русских, а ранее – более 90 %). Налогообложение великорусских губерний в сравнении с национальными окраинами было больше в среднем на 59 %. Вот, например, такой факт. С 1868 по 1881 г. из Туркестана в Государственное казначейство поступило около 54,7 млн рублей дохода, а израсходовано было 140,6 млн, то есть почти в три раза больше. Разницу, как говорилось в отчете ревизии 1882–1883 гг., Туркестанский край «изъял» за «счет податных сил русского народа». В 90-х гг. государство тратило на Кавказ до 45 млн в год, а получало только 18 млн, естественно, дефицит в 27 млн опять-таки покрывал великорусский центр. В 1868–1871 гг. русские центральные земледельческие районы, приносящие 10,39 % дохода, расходовали только 4,6 % от общего бюджета, а в 1879–1881 гг. показатели доходов и расходов были 11,1 и 5,42 % соответственно. Центральный промышленный район давал бюджету в 1868–1871 гг. 6,2 % дохода, а расходов на него приходилось 3,3 %, в 1879–1881 гг. эти показатели составляли 6,34 и 2,83 %. Получалось, что в среднем на душу населения в губерниях Европейской России приходилось в 1,3 раза больше прямых податей, чем в Польше, в 2,6 раза больше, чем в Закавказье, почти в два раза больше, чем в Средней Азии. По некоторым подсчетам, население окраин ежегодно «обогащалось» в среднем на сумму от 12 до 22 рублей на одну душу мужского пола.

В настоящее время ООН для измерения качества жизни населения использует так называемый *индекс человеческого развития*, или *индекс развития человеческого потенциала*. Он включает три показателя: 1) индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении, 2)

индекс образования (процент грамотности и доля детей школьного возраста, посещающих школу), 3) индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому. Так вот, по подсчетам Б.Н. Миронова, индекс человеческого развития для русских в императорской России равен 0,247, а для нерусских (взвешенный на доле каждого этноса) – 0,301, то есть на 22 % выше. Из 14 народов, для которых имеются данные для подсчета индекса человеческого развития, у восьми – евреев, латышей, литовцев, поляков, украинцев, финнов, эстонцев и немцев – индекс был выше, чем у русских, а у пяти – башкир, белорусов, молдаван, татар, чувашей – ниже. Но зато средняя продолжительность жизни у русских (28,7 года) была ниже не только чем у немцев (45), латышей (45), финнов (44,3), эстонцев (43,1), литовцев (41,8), поляков (41), евреев (39), украинцев (38,1), но и чем у молдаван (40,5), белорусов (36,2), башкир (37,3), татар (34,9), чувашей (31), и ниже средней продолжительности жизни для 14 народов империи (32,4).

Что же касается образования, то к концу XIX века русских, умеющих читать, было 29,3 %. Для сравнения: финнов – 98,3 %, эстонцев – 94,1 %, латышей – 85 %, немцев 78,5 %, евреев – 50,1 %, литовцев – 48,4 %, поляков – 41,8 %, греков – 36,7 %. Из европейских народов империи от русских отставали только белорусы (20,3 %) и украинцы (18,9 %).

Основное бремя военной службы также несли на себе русские, армия состояла из русских, украинцев и белорусов на 86 %.

«Оскудение центра» было одной из центральных тем русской публицистики конца XIX – начала XX в. В.В. Розанов (1896) возмущался: «Ничего нет более поразительного, как впечатление, переживаемое неволью всяким, кто из Центральной России приезжает на окраину: кажется, из старого, запущенного, дичающего сада он въезжает в тщательно возделанную, заботливо взращиваемую всеми средствами науки и техники оранжерею. Калужская, Тульская, Рязанская, Костромская губернии – и вся Центральная Русь напоминает какое-то заброшенное старье, какой-то старый чулан со всяким историческим хламом, отупевшие обыватели которого живут и могут жить без всякого света, почти без воздуха... Можно подумать, что “империя” перестает быть русской, что не центр подчинил себе окраины, разросся до теперешних границ, но, напротив, окраины срastaются между собою, захлестывая, заливая собою центр, подчиняя его нужды господству своих нужд, его вкусы, позы, взгляды – своим взглядам, позы, вкусам. <...> Русские в России – это какие-то израильтяне в Египте, от которых хотят и не умеют избавиться, “исхода” которых ожидают, – а пока он не совершился, на них возлагают все тяжести и уплачивают за труд ударами бича».

Естественно, русский крестьянин, находившийся в крайне стесненном материальном положении, в подавляющем большинстве неграмотный, неполноправный (до Столыпинской реформы не обладавший правом частной собственности на свою землю, до 1904 г. подвергаемый по суду телесным наказаниям), не мог быть эффективным агентом русификации империи. Неудивительно, что нередко происходило нечто противоположное – «*обынародчивание*», в том числе даже «*объякучивание*» русских (крестьяне, жившие по соседству с якутами, перенимали их обычаи, начинали практиковать сыроедение и даже переходили в шаманизм). По этому поводу русская публицистика второй половины XIX в. была настоящей тревогой. Например, историк литературы и этнограф А.Н. Пыпин полагал, что главной причиной «обынародчивания» «являются сами русские, чье низкое культурное развитие не позволило передать крепкие задатки культуры так же, как это делали немецкие, французские и английские переселенцы».

Быть русским было невыгодно. Повышение социального статуса происходило через движение по сословно-чиновной лестнице, для чего вовсе не требовалось переходить в православие; скажем, дворян-поляков в империи насчитывалось почти столько же, сколько дворян-русских (39 и 40 % соответственно). Сословный принцип для Российской империи был намного важнее национального.

В подготовительных материалах Ф.М. Достоевского к «Дневнику писателя» (1881) находим такую запись: *«Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жида – корпорация, и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена. Да сверх этих корпораций еще и важнейшая: прежняя административная рутина. <...> Все права русского человека – отрицательные. Дайте ему что положительного и увидите, что он будет тоже консервативен. Ведь было бы что охранять. Не консервативен он потому, что нечего охранять»*.

Я бы не хотел показаться огульным отрицателем империи Романовых. У нее есть огромные заслуги перед русским народом. Во-первых, гигантское расширение его «геополитической ниши» (В.Л. Цымбурский). Во-вторых, создание высокой культуры, которая до сего дня является основой русской идентичности. Нельзя, правда, не оговориться, что польза многих имперских территориальных присоединений для России весьма сомнительна (особенно в случае с Польшей и Финляндией), а наше наиболее ценное приобретение – Сибирь – в большей степени результат народной, а не государственной колонизации. Так же как и русская литературная классика прежде всего плод самостоятельной инициативы (далеко не всегда поощряемой властью) горстки дворян и разночинцев. Так или иначе, но национальную политику самодержавия с русской национальной точки зрения нельзя признать удачной. Гонимая за миражами внешнеполитического могущества, она забыло про основу империи – русских, помешав им вовремя превратиться в нацию эпохи модерна, не сформировав у них единую национальную идентичность, продолжая держать их в плену социальной архаики.

Русская «малая нация»: рождение, расцвет, крушение

Такой исторический контекст нисколько не способствовал успешному русскому национальному процессу. Тем не менее с конца XVIII в. этот процесс начинается. Речь, конечно, идет о создании «малой нации» – нации господ в среде русского дворянства.

Как единое сословие русское дворянство формируется только при Петре I под первоначальным названием *шляхетство*, заимствованным из Польши, но вышедшим из употребления во второй половине XVIII столетия. До этого существовали различные группы *царских чиновных людей*, владевших крепостными крестьянами и несших обязательную службу царю, однако обладавших различным правовым статусом (бояре, окольные, думные дворяне, дети боярские и т. д.). Задуманное царем-реформатором как служилое сословие (члены которого обязаны служить государству пожизненно), аккумулирующее в себе посредством табели о рангах наиболее способных и энергичных выходцев из низов, дворянство, пользуясь политической ситуацией «эпохи дворцовых переворотов», постепенно обрастало все большим количеством привилегий. Пиком последних стали Манифест о вольности дворянства (1762) и Жалованная грамота дворянству (1785), благодаря которым «благородное сословие» приобрело исключительный правовой статус: дворянин мог служить или не служить по собственному желанию; он был свободен от податей и телесных наказаний; лишиться своего звания (передаваемого по наследству) он мог только по суду равных себе; земля, имущество и крепостные крестьяне являлись его частной собственностью; на местах дворяне получали право на сословно-корпоративное самоуправление с характером юридического лица. Только верхушка купечества обладала сравнимыми правами, но, скажем, возможность владения крепостными была эксклюзивно дворянской, не говоря уже о том, что государственный аппарат и армия возглавлялись только дворянами. Дворяне, таким образом, стали единственным слоем русского этноса, имевшим не только обязанности, но и гражданские права и свободы, *то есть они были не только подданными, но и гражданами.*

Разумеется, дворянство было неоднородно: наряду с крестами-латифундистами в его составе находилось немало бедняков, собственноручно пахавших землю или вообще не имевших никакой собственности; к «благородному сословию» принадлежали и блистательные интеллектуалы, и неграмотные (в буквальном смысле слова) невежды. Поэтому, говоря о социально-политических и дискурсивных практиках дворянства, я буду иметь в виду ту его часть, которая обладала достаточным для их реализации экономическим и/или культурным капиталом. Именно ее можно определить как своеобразную «малую нацию», «нацию господ» в составе политически неорганизованного русского этноса, членов которой объединяли общие материальные, гражданские и политические права, а также однородная, импортируемая из Западной Европы культура и основной язык общения – французский.

До начала XIX в., даже на дискурсивном уровне, другие сословия в эту «нацию» не допускались, в особенности крестьянство, составлявшее более 90 % населения России. В дворянском самосознании XVIII столетия господствовало представление, что «благородное сословие» – «единственное правомочное сословие, обладающее гражданскими и политическими правами, настоящий народ в юридическом смысле слова <...>, через него власть и правит государством; остальное население – только управляемая и трудящаяся масса, платящая за то и другое, и за управление ею, и за право трудиться; это – живой государственный инвентарь. Народа в нашем смысле слова [то есть нации] <...> не понимали или не признавали» (В.О. Ключевский). Д.И. Фонвизин определял дворянство как «состояние», «должностное оборонять Отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию». По сути, сословно-классовая идентичность отождествлялась дворянами с национальной. И это

вполне естественно, трудно признать единоплеменников и сограждан в тех, кто и социально, и культурно не имеет с тобой практически ничего общего.

Тем не менее, несмотря на все вышеописанное, именно дворянство создало русский националистический дискурс. Его творцами являются – все как один – представители «благородного сословия»: Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, С.Н. Глинка, Ф.В. Ростопчин, А.С. Кайсаров, лидеры декабризма.

Л. Гринфельд видит причину обращения дворян к национализму в кризисе дворянской идентичности, якобы обесценивавшейся из-за постоянного расширения сословия за счет выходцев из низов, в неуверенности сословия в своем колеблющемся социальном статусе. Этот тезис нуждается в серьезном уточнении. Да, дворянство стремилось к пересмотру своей сословной идентичности, но не только потому, что боялось девальвации последней, но и потому, что стремилось поднять ее на новый, более высокий уровень, наполнив ее политическим содержанием. «Благородное сословие» в своих отношениях с самодержавием не всегда было страдательной, но иногда и наступательной стороной. Каждый помещик был почти неограниченным государем в своем имении, дворянская корпорация фактически контролировала власть в провинции и «для того, чтобы сделаться могущественным политическим сословием и властно влиять на судьбы русского народа и Русского государства, дворянству не хватало лишь одного – ограничения прав самодержавной власти монарха и участия в законодательстве и верховном государственном управлении» (А.А. Корнилов).

Дворянство стремилось к политической власти. Но самодержавие всеми своими действиями демонстрировало нежелание делиться властью с какими бы то ни было социальными группами, ибо это полностью противоречило его «надзаконной», «автосубъектной» (А.И. Фурсов) сущности. Между монархией и дворянством, начиная с Екатерины II, шла сложная и напряженная игра: «Против политических требований дворянства правительство всегда выдвигало крестьянский вопрос. Боязнь отмены крепостного права и потери, таким образом, социальной почвы под ногами заставляла дворянство, в его целом, постоянно склоняться перед императорской властью» (Г.В. Вернадский). Кроме того, самодержавие, чтобы не зависеть от дворянского влияния, окружило себя в значительной степени инородной или разнородной бюрократией.

Той части русского дворянства, которая либо не принадлежала к высшему свету и бюрократии, либо не хотела играть по их правилам, а мечтала о самостоятельной, а не о функциональной роли во властном механизме, ничего другого не оставалось делать, как найти для себя какую-то иную формулу своей легитимности вместо «царевых слуг». Благо искать ее не нужно было слишком долго. Идея нации как демократически организованного суверенного народа во французской культуре на рубеже XVIII–XIX вв. была основополагающей, и, кстати, как аргументированно показывает Л. Гринфельд, ее изначально сформулировали именно оппозиционные королевской власти французские дворяне, а уже потом перехватили идеологи третьего сословия. Но в России третьего сословия не нужно было опасаться в связи с его блистательным отсутствием, и потому дворянство само могло сыграть его роль. Часть дворянства начинает позиционировать себя в качестве полномочных представителей всех русских, вне зависимости от сословной принадлежности.

Из духа политической ущемленности русского дворянства и родился русский национализм, гораздо раньше, чем возник хотя бы намек на «большую» общенародную нацию в социальной реальности.

Еще одним немаловажным фактором «национализации» русского дворянства был «глубокий и жестокий антагонизм между русскими и нерусскими дворянами» в многоэтничной империи (А. Рибер), что неудивительно, ибо «так называемые инородцы составляли около половины всего потомственного российского дворянства» (А.П. Корелин); их приток заметно усилился в конце XVIII – начале XIX в., когда в состав империи вошли земли Речи Посполитой

и Грузия, то есть именно в период генезиса русского национализма. Особенное раздражение вызывали привилегии балтийских немцев, так называемых «остзейских баронов», из которых российские самодержцы охотно черпали верные себе управленческие кадры.

Наконец, важнейшим катализатором, так сказать, «повивальной бабкой» русского национализма явились войны с наполеоновской Францией. Первоначальное воодушевление; позор Тильзитского мира; страстное желание реванша; ненависть к прежним кумирам, а ныне экзистенциальным врагам, вторгшимся на территорию России и покушающимся на все дорогое в жизни каждого русского дворянина (это замечательно схвачено Л. Толстым в разговоре Андрея Болконского и Пьера Безухова накануне Бородинского сражения); небезосновательный страх перед возможной «пугачевской» реакцией «подлого народа» на гипотетическую отмену Наполеоном крепостного права; восхищение «дубиной народной войны»; восторг и самоупоение от победы над не победимым доселе никем противником и от роли «освободителей Европы» – десятилетие между 1805 и 1815 гг. превосходит по своей насыщенности экзистенциальными переживаниями все остальное XIX столетие. И именно в это десятилетие сформировались обе версии русского национализма – традиционалистская и модернистская, если выразители первой (Карамзин, Шишков, Ростопчин) в основном пробаивались риторикой, то выразители второй (А.С. Кайсаров) выступали за реальные социально-политические преобразования, прежде всего за отмену крепостного права. Но в обоих случаях само понятие нации приобрело новый смысл, оно включало теперь в себя все сословия. Более того, не только модернисты, но и некоторые традиционалисты признали основой нации самый многочисленный и самый социально униженный слой русского общества – крестьянство. Таким образом, «большая» нация была уже «воображена», совсем по Б. Андерсону.

«Демократизация» националистического дискурса, произошедшая уже в начале XIX в., в дальнейшем только усиливалась у модернистов – декабристов и западников, и традиционалистов – славянофилов. Важно отметить, что славянофилы, создавшие наиболее масштабную и разработанную националистическую идеологию в русской дореформенной мысли (характерно, что именно в отношении славянофилов А.И. Герцен в дневнике 1844 г. употребил слово «национализм», – это первое обнаруженное мной использование этого понятия в русском языке), в отличие от традиционалистов первого призыва, уже включают в свою программу в качестве важнейшего пункта отмену крепостного права. Крестьянская реформа 1861 г. (а отчасти земская и судебная тоже), подготовленная совместно западниками и славянофилами, стала не только социальным переворотом, но и реализацией теоретически (и мифологически) разработанного «националистического проекта» (М.Д. Долбилов). Пореформенный национализм «почвенников» (А.А. Григорьева и Ф.М. Достоевского), М.Н. Каткова и И.С. Аксакова лишь конкретизировал идеологемы, созданные в первой половине столетия.

Совершенно очевидно, что основные модели русского националистического дискурса были созданы либо потомственными дворянами, либо дворянами – выходцами из других сословий, но творившими в рамках дворянской культуры (М.П. Погодин, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский). Даже революционный национализм «русского социализма» сформулировали дворяне А.И. Герцен, Н.П. Огарев и М.А. Бакунин. Иные социальные группы так и не преодолели эту идеологическую монополию «благородного сословия».

В разночинско-интеллигентской антидворянской контркультуре 1860-х гг. и сменивших ее народничестве и марксизме национализм если и присутствовал, то только контрабандой, ибо для всех этих идеологий точкой отсчета были права и интересы «народа» (плебса), понимаемого не как органическая часть нации, а как дискриминированный социальный слой. Дворянские националисты же могли сколь угодно резко критиковать оторванность верхов от низов, но у них речь шла не об уничтожении социального неравенства как такового (а уж тем более не об ампутации больной части национального «тела»), а о духовно-культурном «перевоспитании» элиты, благодаря которому она сможет найти общий язык с «народом», чему должно служить

и уничтожение наиболее одиозных социальных практик господствующего сословия. Только в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в публицистике газеты А.С. Суворина «Новое время» начала вырисовываться первая «дворянская», «буржуазная» версия русского национализма, но теоретическое оформление она получила лишь в начале XX в., так же как и интеллигентский национализм П.Б. Струве и других веховцев. До самого 1917 г. дворянский национализм не был полностью вытеснен с идеологической арены.

С другой стороны, дворянское происхождение русского национализма обусловило его фундаментальную слабость. При всей своей автономности, дворянство было все же сильно зависимо от самодержавия, а после разгрома декабризма лишилось возможности использовать армию как инструмент борьбы. Пробавляясь националистической риторикой, дворянское большинство стремлений националистов-модернистов не поддерживало, упорно цепляясь за свои узкосословные, эгоистические интересы. То есть инициаторы модернистского проекта не могли опереться на сословие, к которому принадлежали. «Средний класс», как говорилось выше, в России до начала прошлого века фактически отсутствовал. Апеллировать же непосредственно к «народным массам» модернисты-дворяне боялись. Так что им оставалось лишь надеяться на эволюцию самодержавия, которое, как уже говорилось выше, вовсе не было в такой эволюции заинтересовано.

Немудрено, что в 1917 г. русское нациостроительство сорвалось. Слишком ограничена была его социальная база. Образованный класс (русских, имевших образование выше начального, было немногим более 2 %, а грамотной была всего треть населения страны), где циркулировали националистические идеи, и большинство населения страны – крестьянство продолжало жить в разных социокультурных мирах, которые правительство и дворянство после реформ 1861 г. только законсервировали путем организации общинного устройства крестьянского быта с особым правовым и культурным полем. Националистическое дворянство, так же как и антинациональный династически-имперский центр, не нуждалось в крестьянстве как в самостоятельном общественном субъекте, а только как в объекте для попечения и руководства. Всерьез национализм восторжествовал в России только при П.А. Столыпине, он стал основой правительственной политики и в крестьянской реформе, и в мероприятиях на окраинах. В 1914 г. наконец-то было введено обязательное всеобщее начальное образование. Возможно, если бы развитие России протекало эволюционно, процесс нациостроительства благополучно бы завершился. Но война и революция не дали ему такого шанса.

Крестьянское большинство не успело еще осознать себя частью единой нации вместе с социальной верхушкой, оно ощущало себя прежде всего в качестве дискриминированного социального слоя, то есть *народом*, по терминологии левой публицистики. «Малая нация» составляла от силы процентов пять – семь и противостоять возмущившемуся народному морю не смогла. На гребне этой волны к власти пришла интеллигентская секта радикальных марксистов-большевиков с сильным инородным (прежде всего еврейским) компонентом и отчетливым русофобским дискурсом, в результате ее политики русская «малая нация» была либо уничтожена, либо эмигрировала, либо вынужденно мимикрировала при новом строе.

От XX к XXI в.: старые и новые проблемы

В 1920-х – первой половине 30-х гг. в СССР из русских точно делали не нацию, а некую безнациональную общность, призванную скреплять собой «государство рабочих и крестьян». У большинства же других народов последнего национальное сознание, наоборот, целенаправленно культивировалось, более того, правящие интернационалисты создавали нации новые, в том числе и совершенно сконструированные (почти по Геллнеру и Андерсону) – например, среднеазиатские. Такая политика осуществлялась приблизительно до 1934 г. Уничтожив множество традиций Российской империи, большевики одну, однако, сохранили и преумножили – нещадную эксплуатацию великорусского центра в пользу национальных окраин. Даже на закате советской эпохи, занимая первое место по промышленному производству, РСФСР по душевому доходу стояла только на десятом месте среди пятнадцати советских республик.

В ходе сталинского «национал-большевистского поворота», вызванного внешнеполитическими страхами советского руководства и закрепленного Великой Отечественной войной, русским было возвращено право на национальное самосознание, которое в результате культурной революции стало достоянием миллионов. То есть теперь в культурном смысле русские наконец-то впервые стали «большой нацией». Но русское националстроительство для коммунистов – на всех этапах их правления – было, образно говоря, незапланированным ребенком, исторической (и не слишком желательной) случайностью. И любое поощрение русского чувства, мысли или дела «сверху» всегда преследовало исключительно прагматические, инструментальные цели. Большевицкая политика самым радикальным образом лишила русских *собственности, политической субъектности и институтов самоуправления*, без чего полноценной нации не может быть по определению.

Собственно в виде такой несостоявшейся нации русские существуют и по сей день, ибо Российская Федерация является в своей национальной политике прямым наследником СССР. С одной стороны, существует множество условий для завершения русского национализма (русских в РФ – 80 %, по всем стандартам – мононациональное государство). Отсутствует, однако, очень важный элемент – желание содействовать этому процессу со стороны власти, которая, продолжая имперскую и советскую традицию, стремится оставаться «равноудаленным» центром. А самое главное, отсутствуют какие бы то ни было формы социальной солидарности между совершенно атомизированными русскими людьми. Создать такие формы – задача номер один для того, чтобы завершился наконец долгий и трудный процесс русского националстроительства.

У русских сегодня выбор небогатый: жить иллюзиями о «великом плане Путина» и потихоньку исчезать с лица своей земли, замещаясь «трудолюбивыми мигрантами», или переломить имперско-советскую традицию и самим создать себя заново как самостоятельный и самоуправляющийся субъект политики – русскую демократическую нацию.

Восстановление свободы²

Демократический национализм декабристов

Декабристскому сюжету в отечественной историографии посвящена огромная литература. И тем не менее даже сегодня, когда декабристоведение, освобожденное от тягостной опеки коммунистического официоза, явно обретает второе дыхание (достаточно назвать работы В.М. Боковой, П.В. Ильина, О.И. Киянской, В.С. Парсамова, С.Э. Эрлиха), современный историк называет проблему «национализма в декабристском движении» все еще «ожидательной глубокого исследования»³. Увы, с этим невозможно не согласиться.

Специальных работ на указанную тему практически нет. Чуть ли не единственное исключение – отличная статья К.Ю. Рогова⁴, но как характерно, что ее автор – «человек со стороны», не принадлежащий к сообществу патентованных специалистов по декабризму. Последние же, как правило (впрочем, следует отметить содержательную интернет-публикацию В.С. Парсамова о национализме П.И. Пестеля⁵), довольствуются справедливыми, но слишком беглыми рассуждениями о том, что «элемент национальный и даже, можно сказать, националистический был в декабризме вообще одним из основных <...> декабризм <...> на всем своем протяжении питался идеями российской великодержавности и национального самоутверждения»⁶. Но на это уже указывали и сами декабристы, и первые отечественные декабристоведы еще в позапрошлом столетии⁷; «резкий национализм» «первых дворянских революционеров» констатировали М.Н. Покровский⁸ и другие советские историки 1920–1930-х гг.⁹, прогресс, право же, не велик.

Между тем проблема декабристского национализма имеет не только научное, но и общественное значение. В современном российском массовом сознании (прежде всего в его «патриотическом» секторе) распространена «черная легенда» о декабристах как врагах России, агентах «мирового масонства» и проч. Этот вздор, конечно, характеризует лишь прискорбный уровень исторического невежества самих его пропагандистов и потребителей. Но с другой стороны, молчание историков-профессионалов по данному вопросу способствует распространению крайне вредного предрассудка: *борьба против любого правящего режима обязательно равняется национальной измене*. Что уж говорить о моральной стороне дела: когда героев величают предателями, «становится страшно за рассудок и нрав...».

² Впервые: Вопросы национализма. 2010. № 2.

³ Долбимов М.Д. «...Считая себя обязанным в сем участвовать». Почему М.Н. Муравьев не отрекся от «Союза благоденствия» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 211.

⁴ Рогов К. Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.

⁵ Парсамов В.С. Национальная идея П.И. Пестеля.

⁶ Бокова В.М. От составителя // Декабристы и их время. М., 1995. С. 13.

⁷ «Патриотизм членов Общества был не только либеральный, но и русский <...> В некоторых мнениях это были непосредственные предшественники славянофилов»; «чувство русской народности» «господствовало в тайном обществе» (Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. 5-е изд. Пг., 1918. С. 408, 422). Первое издание цитируемого труда вышло в 1871 г. См. также: Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1907. С. 259, 278, 282.

⁸ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Его же. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 227. В другом месте, цитируя слова В.И. Семевского о том, что некоторые декабристы не были чужды национализму, Покровский иронически (и риторически) вопрошает: «Многие ли были ему чужды?» (Там же. С. 229).

⁹ Для Н.М. Муравьева «идея национализма <...> сделалась руководящим началом его жизненного мировоззрения» (Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 62).

Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающее исследование заявленной темы (слишком уж велик массив источников по истории декабризма)¹⁰, предполагает все же раскрыть ее основные аспекты.

Поскольку в научном сообществе продолжается дискуссия о критериях принадлежности того или иного персонажа к декабристам, считаю необходимым сразу оговориться, что мой критерий чисто формальный: декабрист – это член того или иного тайного общества, признаваемого большинством специалистов как декабристское: Ордена русских рыцарей, Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества, Южного общества, Общества соединенных славян.

¹⁰ Одно только «общее число архивных материалов», связанных с декабристским движением, «составляет полмиллиона листов» (О'Мара 27. К.Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 28).

Государственный патриотизм

Национализм ни в коей мере не сводится к государственному патриотизму, но последний (в тех случаях, когда речь идет о народах уже создавших свое государство) – неотъемлемый элемент первого. Советские историки много писали о патриотизме декабристов, тщательно стараясь подчеркнуть его нетрадиционный для императорской России, «революционный» характер¹¹. Это в каком-то смысле верно, но требует серьезных оговорок.

В сравнении с революционерами следующих поколений (не только с разночинцами, но и с дворянами Герценом и Бакуниным) мировоззрение декабристов отличается именно отчетливой преемственностью с традиционным имперско-великодержавным дворянским патриотизмом, окончательно сформировавшимся в эпоху Екатерины II, когда дворяне сделались единственными полноправными гражданами Российской империи¹². Декабристы, подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя «лишними людьми», «государственными отщепенцами», не ощущали отчуждения от имперского государства, считали его «своим», а дела государственной важности – своими личными делами. Но под влиянием Отечественной войны 1812 г. (более ста будущих декабристов – ее участники, из них шестьдесят пять – сражались с французами на Бородинском поле)¹³ дворянский патриотизм радикально трансформировался, обрел новое качество.

Об определяющей роли войн с наполеоновской Францией в формировании декабристской идеологии написано слишком много, чтобы подробно на сей счет распространяться. Отмечу только малоизвестное свидетельство М.И. Муравьева-Апостола, относившего зарождение декабризма к одному из эпизодов 1812 г., когда находившиеся в Тарутинском лагере молодые офицеры лейб-гвардии Семеновского полка (среди коих – сам Матвей Иванович, его старший брат Сергей, И.Д. Якушкин), отреагировали на слухи о возможном заключении мира с Наполеоном следующим образом: «Мы дали друг другу слово, <...> что, невзирая на заключение мира, мы будем продолжать истреблять врага всеми нам возможными средствами»¹⁴.

Таким образом, будущие члены тайного общества уже тогда были готовы пойти на прямое неповиновение верховной власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служения монарху, их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм граждан, а не верноподданных¹⁵. С.Г. Волконский вспоминал, как после Наполеоновских войн произо-

¹¹ Впрочем, иногда приходилось с сожалением констатировать: «Надо признать, что в соответствии с объективно-буржуазным содержанием политической идеологии Пестеля его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности <...> Пестель не понимал значения национального развития угнетенных народов и не сумел найти путей к разрешению национального вопроса» (Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 83).

¹² «Декабристы были людьми XVIII века по всем своим политическим целям, по своему социальному оптимизму и по форме военного заговора, в которую вылилась их революция. Целая пропасть отделяет их от будущих революционеров: они завершители старого века, не зачинатели нового. Вдумываясь в своеобразие их портретов в галерее русской революции, видишь, до чего они, по сравнению с будущим, еще почвенны. Как интеллигенция своего века, они тесно связаны со своим классом и с государством. Они живут полной жизнью: культурной, служебной, светской. <...> Их либерализм, как никогда впоследствии, питается национальной идеей. <...> На них в последний раз в истории почил дух Петра» (Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Его же. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 84). Известный советский исследователь декабризма мягко и обтекаемо формулирует: «В движении декабристов более, нежели в других (например, разночинском), освободительные идеи были связаны с патриотическими настроениями и в значительной степени вытекали из них» (Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 42).

¹³ См.: Федоров В.Л. Указ. соч. С. 40.

¹⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 249. Д. 2. Л. 6.

¹⁵ Подобное умонастроение не было монополией лишь членов тайных обществ, оно господствовало среди значительной части военной и интеллектуальной элиты русского дворянства александровской эпохи. Широко известен эпизод, когда А.П. Ермолов в 1814 г. в минуту раздражения сказал младшим братьям императора, что русские войска служат не государю, а Отечеству и пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов. См. также строки из письма легендарного поэта-партизана

шли кардинальные изменения в его сознании: «Зародыш обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях, чувствах, и на место слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности в оных вродилось неволью от того, чему я был свидетелем в народных событиях в 1814 и 15 годах, что гражданину есть обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, наряду с верноподданническими»¹⁶. Переход от «народной войны» против «тирании», навязываемой извне, к борьбе против «тирании», навязываемой изнутри, казался совершенно естественным¹⁷: «Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, спасшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе?» (М.П. Бестужев-Рюмин)¹⁸. Декабристская «революционность» непосредственно происходила из их патриотизма: «Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству» (С.П. Трубецкой)¹⁹; восстание 14 декабря было «делом исключительно патриотической политики» (В.С. Толстой)²⁰.

Патриотизм стал для декабристов своего рода гражданской религией. А.Н. Муравьев, убеждая своего брата Н.Н. Муравьева (будущего графа Карского) служить на Кавказе, внушает ему (16 января 1817 года): «Истинный добродетельный муж <...> питает некое презрение к тому, что не к прямой пользе Отечества его клонится. – Способности его развертываются, усиливается его любовь к родине, и он ищет всех средств быть истинным сыном Отечества»²¹. И.Г. Бурцов, преследуя прямо противоположную цель – отговорить того же адресата служить за пределами собственно России, также апеллирует к долгу перед Родиной: «Всякий добродетельный гражданин должен поставить единою целию своей жизни – *принести Отечеству самую величайшую пользу*» (4 декабря 1817 г.)²². В другом письме (21 мая 1818 г.) Бурцов, обличая «эгоизм, непростительный для гражданина вообще, а еще более для Россиянина», излагает настоящее исповедание патриотической веры: «Что будет с Отечеством, когда сыны его устремятся каждый за любимой мечтой, слабо или вовсе не будут исполнять гражданских обязанностей и дело общее предадут хищению порока? Что будет с нашей родиной, когда мужественные россияне не обрекут себя на жертву общественной пользе? В благоустроенных Государствах граждане должны нести *некоторые* обязанности, налагаемые обществом, а в Государствах возникающих, преисполненных зла и невежества, обыкновенные обязанности недостаточны – потребны *доблести*, потребно *отречение от собственных выгод* и стремление к общему всеобъемлющему делу целого»²³.

Подлинный культ любви к Отечеству проходит красной нитью через дневники и письма Н.И. Тургенева²⁴

Д.В. Давыдова (видимо, примыкавшего поначалу к Ордену русских рыцарей, но затем отошедшего от него и более не участвовавшего в тайных обществах) П.Д. Киселеву (1819): «Люди прошедшего столетия не поймут меня <...> Слова: отечество, общественная польза, жертва честолюбия и проч. – известны были только в отношении к власти, от которой ждали взгляда, кусок эмали или несколько тысяч белых негров» (цит. по: Ланда С.С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 157).

¹⁶ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 348.

¹⁷ См. подробнее: Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов. Идеологема «народная война» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. ...

¹⁸ Восстание декабристов. Т. 9. С. 117. (Далее этот источник – ВД.)

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 22.

²⁰ Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 29.

²¹ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. Т. 1. М., 1975. С. 100.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 135.

²⁴ Например, из дневника. «Нешастны, нешастны те, кот[орых] кровь не волнуется при мысли об Отечестве и которые хладнокровно смотрят на происшествия, действующие на судьбу оногo. *Человек может всего лишиться: имения, друзей, родных; но Отечество для него всегда остается.* Благо оногo может его утешить, и при собственном нешастии он отрет гор[ь]кие

(о котором у Пушкина сказано: «Одну Россию в мире видя...»; «он искренне, усердно любил Россию» – признает весьма консервативный и враждебный декабризму Ф.Ф. Вигель²⁵). М.Ф. Орлов в частном письме женщине (княгине С.Г. Волконской) проповедует: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды»²⁶. К.Ф. Рылеев полагал для приема нового члена в Северное общество достаточным основанием то, что кандидат «пламенно любил Россию» и «для благ ее готов был на всякое самоотвержение»²⁷. Патриотическая экзальтация в Тайном обществе доходила иногда до такой степени, что Ф.Ф. Вадковский на одном из собраний выразил готовность принести в жертву родную мать, если того потребует польза России²⁸. Конечно, это лишь фигура речи, но она очень характерна для декабристского дискурса. А вот пример уж явно не филологический, а экзистенциальный. П.И. Пестель в письме родителям незадолго до казни исповедально признавался: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом», и – права современна я исследовательница – «не верить этому признанию нет оснований»²⁹.

Именно государственный, националистически окрашенный патриотизм был основным источником оппозиции декабристов курсу Александра I после 1814 г.

Во-первых, их раздражение вызывала вдохновляемая и конструируемая императором легитимистская политика Священного союза – «подпорная, вспомогательная политика для восстановления государей», которая «была противна интересам России»³⁰ и на деле подчиняла последние интересам Австрии («ничто меня столько не оскорбляло, как явное сие господство и влияние Венского кабинета над нашим»)³¹, вообще преимущественное внимание Александра к общеевропейским делам в ущерб собственно российским, его частые и продолжительные отлучки из России: «Предоставив как будто законченные судьбы России двум-трем лицам, он презрительно отвернулся от нее и занялся Европой, которая казалась ему достойной его высокого внимания»³²; «душа его была в Европе»³³. Именно этим вызван специальный пункт в первой редакции «Конституции» Н.М. Муравьева о том, что «Император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморския владения отечества», «выезд Императора из России не иначе представляется, как оставлением оной и отречением от звания Императорскаго»³⁴. Раздражали молодых победителей Наполеона и щедрые подарки европей-

слезы, видя Отечество в благоденствии. Благо общее заменяет для него благо частное» (ноябрь 1811 г.). «Вся цель жизни моей, все, что привязывает меня к жизни, все, что делает ее мне сносною, – есть надежда о щастии и истинном величестве России. Начало сего щастия составит и все щастие собственной моей жизни. Спокойно оставлю землю, естли при смерти можно будет видеть, что святая, великая Россия начала наконец идти к своему назначению, к своему гражданскому благополучию» (февраль 1816 г.) (Дневники Н.И. Тургенева за 1811–1816 годы. СПб., 1913. С. 143–144, 319). «Итак с мыслию о тебе, о Россия, мое любезное и несчастное отечество! провожаю я старый и встречаю новый год. Ты – единственное божество мое, которое я постигаю и которое ношу в моем сердце, – ты одна только можешь порождать сильные чувства в моем сердце. Что люди? Где они? Я их не знаю. Я знаю только сынов твоих!» (31 декабря 1819 г.) («Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. С. 315). Брат Николая Ивановича Сергей, не принадлежавший к декабристскому движению, но близкий к нему идейно, записал в своем дневнике в 1816 г.: «Пусть мир погибает, лишь бы Россия оставалась. Но пусть и Россия погибнет, если не может быть знаменитой и процветающей, то есть свободной» (цит. по: Ланда С.С. Указ. соч. С. 348).

²⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 820.

²⁶ Цит. по: Ланда С.С. Указ. соч. С. 179.

²⁷ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 462.

²⁸ Там же. С. 247.

²⁹ Киянская О.И. Пестель. М., 2005. С. 339.

³⁰ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 130.

³¹ Слова А.В. Поджио (см.: Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 192).

³² Поджио А.В. Указ. соч. С. 130.

³³ Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 10.

³⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 338. Среди прочих аргументов этого запрета: «В отделении от отечества Император может

ским державам за счет России: «При вторичном занятии в 1815 году Парижа огромная контрибуция была взыскана с Франции, часть ее была издержана на покупку сукна солдатского в Англии, другая часть была отдана Австрии за претерпенные ею бедствия второго неприятельского нашествия. Огромная полоса России тогда еще представляла одни развалины от нашествия врагов в 1812 г. Крылов тогда написал басню: “Туча и море”»³⁵. Экономическая политика императора, явно приносящая пользу иностранной и ущерб отечественной коммерции, также вызывала их резкую критику³⁶.

В среде декабристов господствовало убеждение, что Александр «ненавидит Россию»³⁷, которое не развеялось и спустя десятилетия. «История не успела еще рассмотреть действия первого Александра в отношении России. Это была, поверь, отвратительная личность. Еще в молодости он себя определил, когда писал Кочубею, что он был бы счастлив, переселившись с женой в Германию», – писал в 1862 г. в письме племяннику престарелый М. Муравьев-Апостол³⁸. Возмущение деятельностью императора приняло особенно острый характер в связи с его польской политикой. Так называемый «московский заговор» 1817 г., когда среди членов Союза спасения впервые возникла идея цареубийства (А.Н. Муравьев предложил бросать жребий, о том, кто должен его совершить, а И.Д. Якушкин объявил, что «решился без всякого жребия принести себя в жертву»), был вызван слухом о том, что Александр «намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить к Польше» и даже, «ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»³⁹. На фоне тех невероятных привилегий, которые Царство Польское получило благодаря явному расположению к нему императора (конституция, собственная армия и администрация, обильные финансовые вливания)⁴⁰, казалось вполне вероятным, что Александр «имел в самом деле намерение располагать достоинством России» – тем более что прецедент уже был – «прежде он отделил Выборгскую губернию в состав великого княжества Финляндского»⁴¹. Последний факт (и преимущества перед русскими «завоеванных финляндцев») тоже, кстати, вызывал активное обсуждение (и осуждение) в тайном обществе⁴².

скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышлений» (Там же). Советский историк комментирует: «Непопулярные поездки Александра I и предполагаемое влияние могущественного Меттерниха были несомненным источником этого националистического параграфа» (Там же. С. 223). Запрет на выезд императора за границу содержится и в документах Ордена русских рыцарей (см.: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 145).

³⁵ Муравьев-Апостол М.И. «Непостижима дерзость безумцев» // Родина. 1991. № 11–12. С. 90. В упомянутой басне И.А. Крылова «Туча» (1815) рассказывается о том, как дождевая туча, пролетев над «изнуренною от зною стороною», «большим дождем на море пролилась».

³⁶ В.И. Штейнгейль писал из заключения Николаю I: «Если Москва отрясла так скоро пепел с главы своей и вознеслась в новом великолепии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 г., который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу Отечества. Внезапно сей самый тариф в 1816 г. изменен в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли по крайней мере располагать свои спекуляции на сие Императорским словом определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкротились, и народ через то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 г., но причененный вред невозвратен. <...> Таким образом коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех других держав преуспевает и процветает, особенно во Франции, которая в 1815 г. едва ли не в худшем состоянии была, нежели Россия» (Штейнгейль В.И. Соч. и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 211–212).

³⁷ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 16.

³⁸ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С. 88.

³⁹ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

⁴⁰ Торговля Царства Польского «поддерживалась единственно путем транзита, разрешенного в ущерб русской торговле <...>. Дороги Царства, его каналы, мосты, города, его храмы и крепости ремонтировались или строились за счет России. Вплоть до 1821 года доходов Царства не хватало для покрытия бюджетных расходов; и опять-таки именно Россия постоянно пополняла бюджет» (Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 118).

⁴¹ Там же. С. 80.

⁴² См.: ВД. Т. 20. С. 47.

С другой стороны, именно переговоры с Польским патриотическим обществом, на которых шла речь и о территориальных уступках полякам, вызвали тяжкое обвинение в приговоре Верховного уголовного суда лидеру Южного общества П.И. Пестелю («участвовал в умысле отторжения областей от империи»). Надо ли полагать, что позднее декабристы отказались от своего принципиального государственничества?

Пестель в «Русской правде» определял границы России, исходя из двух принципов: 1) «права народности» (то есть права того или иного народа на самостоятельное политическое бытие) и 2) «права благоудобства» (то есть права больших государств подчинять себе малые народы, неспособные к государственной самостоятельности). Из всех народов империи только польский наделялся «правом народности»: «Что же до Польши касается, то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий Государственный Состав все свои части, разобранные могущественными соседями. <...> Итак: по правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование».

Однако независимость Польша получала при неукоснительном соблюдении «правила благоудобства» для России:

«1) Чтобы границы между Россиею и Польшею определены были российским правительством по правилу благоудобства для России и Польша бы сему определению границ ни в каком отношении не прекословила и приняла бы оное за неизменный закон коренной.

2) Чтобы восстановление польского государства последовало не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез правильную сдачу российским временным верховным правлением губерний предназначенных к отделению в состав польского государства, новому польскому правительству <...>

3) Чтобы между Россиею и Польшею заключен был тесный союз на мирное и военное время; вследствие коего бы Польша обязалась все войско свое присоединять на случай войны к российской армии <...> Зато берет Россия Польшу под свое покровительство и служить будет ей ручательством в неприкосновенности ее пределов, а тем паче ее существования. Наконец,

4) Так как сношения между государствами производятся чрез посредство их правительств и потому твердость и дух сих сношений преимущественно зависит от образования правительств, то чтобы вследствие сего само устройство польского государства служило России залогом и обеспечением; а потому и постановляются главными условиями сего устройства, без коих не должна Россия даровать Польше независимости следующие три:

А) Верховная Власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России <...>

Б) Назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присутственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше, как и в России <...>

В) Всякая аристократия, хоть на бога и имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основана должна совершенно навсегда быть отвергнута и весь народ польской одно только сословие составлять <...>»⁴³.

Приведенный выше текст показывает, что нет ничего более нелепого, чем видеть в Пестеле некоего идеалиста-интеллигента, поборника польской свободы, каким позднее выступал Бакунин (и отчасти Герцен), логика Павла Ивановича – логика государственно-националистического прагматизма, применительно к данному вопросу хорошо сформулированная его ближайшим помощником М. Бестужевым-Рюминым: лучше «иметь благодарных союзников», чем «тайных врагов»⁴⁴. В планируемом автором «Русской правды» русском националь-

⁴³ ВД. Т. 7. С. 123–124.

⁴⁴ Цит. по: Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. М., 1906. С. 113.

ном государстве поляки, с их многовековой традицией самостоятельной государственности, развитой национальной культурой и комплексом «полноценных» европейцев по отношению к русским «варварам», были бы лишним и крайне вредным элементом (каковым, кстати, они являлись и в составе Российской империи). Просто «переварить», «русифицировать», при очевидной слабости наличного русификаторского потенциала (отсутствии «большой» русской нации), Польшу было невозможно.

Кроме того, в пестелевском проекте будущая независимая Польша контролируется Россией во всех отношениях, вплоть до формы правления и социального строя (порой этот проект кажется почти до деталей реализовавшимся пророчеством о практике взаимоотношений ПНР и СССР), что должно было свести к нулю весь возможный геополитический ущерб этого решения для русских интересов.

Уступка полякам части земель, считавшихся в России «возвращенными от Польши», – Гродненской губернии, Белостокской области, части Виленской, Минской и Волынской губернии также диктовалась прагматическим, отчетливо этнонационалистическим аргументом: возвращались «области недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России»⁴⁵.

Наконец, свидетельством того, что Пестель не собирался в польском вопросе поступаться великодержавностью России, является то, что переговоры с Польским патриотическим обществом зашли в тупик именно по вине Павла Ивановича. Поляков оскорбил тон лидера Южного общества, о котором он так говорил на следствии: «Было за правило принято поставить себя к ним в таковое отношение, что мы в них ни малейше не нуждаемся, но что они в нас нужду имеют, что мы без них обойтись можем, но они без нас успеть не могут»⁴⁶

⁴⁵ ВД. Т. 9. С. 63.

⁴⁶ Цит. по: Киянская О.И. Указ. соч. С. 100.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.